И.М. ХАИДОВ
(Грозный)

ТЕРСКИЕ КАЗАКИ-ПЕРЕБЕЖЧИКИ В СТАНЕ ПРОТИВНИКОВ ЦАРСКОЙ АРМИИ В 1840–1850-е гг.

Рассматривается мотивация и последствия бегства терских казаков на сторону противников царской военной администрации на Северном Кавказе. Предпринята попытка проанализировать мотивацию бегства казаков и их последующую военную деятельность на стороне горских повстанцев. Само наличие в войсках Шамиля и других горских предводителей эпохи Кавказской войны заметного числа терских казаков свидетельствует о сложности и неоднозначности участия казачества и представителей народов Северного Кавказа в Кавказской войне и несостоятельности их однозначного противопоставления в исследуемый период.

Ключевые слова: *Кавказская война, казаки, гребенцы, горцы, перебежчики, Алпатов, Чарин, Атарщиков.*

Одной из самых ярких и драматических страниц в истории казачества в годы Кавказской войны было бегство казаков в горы, где они вступали в ряды боровшихся против царизма мюридов Шамиля. Несмотря на то, что примеры такого перехода на сторону противника имели место с самого начала Кавказской войны, своего пика они достигли в 1840-е гг., т. е. в период наибольших успехов мюридизма. Так, в 1840 г., в разгар восстания в равнинной Чечне, в горы бежал казак станицы Червлённой Зот Чарин. Показательно, что при этом он украл лошадь у начальника станицы – хорунжего Арнаутова, а спустя некоторое время немирные, т. е. признававшие, как и Чарин, власть Шамиля, чеченцы украли эту лошадь уже у него и вернули ее прежнему хозяину [22. Д. 31. Л. 11]. Факт возвращения лошади на территорию противника свидетельствует о довольно сложных и неоднозначных отношениях между разделенными линией фронта казаками и горцами. Зот Чарин, как и большинство беглых казаков, стал проводником и активным соучастником в набегах чеченцев на казачьи станицы. Участвовал он и в карательных мероприятиях Шамиля против непокорных горских аулов. За проявленные им преданность и храбрость в боях казак получил из рук Шамиля серебряный орден. В 1842 г. он вместе с тремя другими беглыми казаками и четырьмя чеченцами совершил набег на станицу Наурскую с целью угона скота, но при отступлении попал в плен. Плененный перебежчик был приговорен к расстрелу, приведенному в исполнение 25 февраля 1846 г. [22. Д. 31. Л. 16, 20].

Спустя три дня был расстрелян другой захваченный в плен перебежчик – казак из Червлённой Наум Вавилов, также пойманный при набеге, но уже вблизи Амир-Аджи-юрта [Там же. Д. 30. Л. 35]. Инициатором расстрелов попавших в плен дезертиров был лично командующий левым флангом Кавказской линии генерал-майор М.Я. Ольшевский [12, с. 329–330].

Встречались среди беглых и казаки-мусульмане. Так, житель станицы Кизлярской армянин Атуш Хачатрян, вернувшись из плена, показал, что в плен его захватил отряд абреков, которым руководил беглый казак Кизлярского полка Байрам, проявивший в набеге прекрасное знание воинских порядков на кордонной линии и хорошие лидерские качества [22. Д. 27. Л. 16–16 об]. В 1849 г. у станицы Старогладковской был убит один из вожаков чеченских абреков бывший казак-инородец станицы Кизлярской Мисирбий Казыханов [14, с. 34].

Некоторые беглые казаки, по той или иной причине покаявшиеся в своем поступке, пытались возвратиться к прежней жизни. Так, в 1844 г. в ходе судебного разбирательства, касавшегося судьбы якобы украденного беглыми казаками Гуляевым и Тимофеем Свиткиным и «непокорным чеченцем деревни Талы Алхастом» Нестифора Андреева было установлено, что он бежал в горы добровольно. Однако в горах он, по свидетельству находившегося в плену ногайца Максута Джикаева, «начал тужить о родине и не раз плакал», за что его несколько раз ругал другой беглый казак – Корчагин. Видевший это чеченец, по сло-

© Хаидов И.М., 2018

вам Максута, сжалился над ними и вывел их обоих к мирной деревне Старый Юрт. Несмотря на свое возвращение, Андреев был предан военному суду [22. Д. 28. Л. 23].

Архивные документы не содержат сведений о решении суда по делу Андреева, но имеются материалы о наказании за схожие преступления. Так, казак станицы Калиновской Кондрат Дорошенко, явившийся с гор с повинной, был наказан 501 ударом шпицрутенов и выслан в Сибирь на вечное поселение [Там же. Д. 27. Л. 1, 4]. Впрочем, оговоримся, что Дорошенко бежал в горы, боясь наказания за провинности по службе и дурное поведение, а не по политическим и религиозным причинам.

Дезертиры сражались до последнего, предпочитая смерть плену, потому что они прекрасно осознавали, какая участь их ждала: расстрел или пожизненное пребывание на сибирской каторге. Высоко оценивая боевые качества казаков-перебежчиков, современный исследователь Ю.Ю. Клычников пишет: «Прекрасно ориентируясь в том, как охраняется кордонная линия, не вызывая подозрений у местных жителей, такие ренегаты были наиболее опасным противником для населения порубежья» [13, с. 71].

К числу таких опасных проводников и предводителей горцев относился соратник вышеупомянутого З. Чарина по набегам уроженец станицы Наурской Яков Алпатов. Начиная с 1846 г. он совершал регулярные нападения на казачью линию. Обычно целью его налетов был угон скота. К убийствам Алпатов прибегал крайне редко, нередко отпуская при этом плененных казаков. Известны случаи, когда он похищал красивых девушек для знатных горцев. Такая судьба, например, постигла сестер Пятирублевых, но, выйдя за горцев, они позднее добровольно отказались возвратиться в родной хутор, изредка навещая оставшихся там родителей. Самым знаменитым его достижением в набегах был захват в октябре 1851 г. казенной почты с огромной для того времени суммой в 37 тыс. руб. [28]. В отличие от большинства беглых казаков, Алпатов принял мусульманство и был тверд в новой вере. Попав в плен к верным царю казакам, он отказался перед казнью вернуться в христианство и был в 1856 г. повешен близ станицы Наурской на кургане, прозванном позднее Алпатовым [26, с. 71]. Другой перебежчик Ананий (Андзор) Шушпанов также принял мусульманство и после поимки был сослан в Сибирь [7, с. 128]. Еще одного беглеца червленца М. Корчагина, как и З. Чарина, в горы привела жажда мести начальству [20, с. 169].

В государстве Шамиля казаки-перебежчики обычно служили в кавалерии [11, с. 48]. Им также поручались диверсии (например, взрывы артиллерийских складов) [20, с. 172]. Нередко к беглецам перебирались и их семьи, также втайне покидавшие станицы. На арабской карте Чечни конца 40-х гг. XIX в. на левом берегу р. Хулхулау показан ряд домов с припиской: «Это кельи русских, твердых в своей вере» [8, с. 28]. В 1849 г. казак станицы Червлённой Тимофей Янхотов с пятью другими казаками бежал в горы, в Дарго к Шамилю. Их поселили в слободе беглых солдат. Весной 1850 г., получив разрешение, они ушли еще дальше в горы в урочище Ратли, где стали обзаводиться хозяйством. Затем к ним прибыли 3 казака из Червлённой и Щедринской, затем еще 8 казаков и казачек. Они переселились ближе к Дарго, изготавливали кадушки в обмен на чеченскую кукурузу [6, с. 94].

Согласно другому источнику, в 1851 г. «около 20 казаков, с женами и детьми и двумя священниками, пришли в Дарги-Ведено и просили у Шамиля земли, чтобы поселиться. Он указал им место, где б они могли построить дома и церковь» [8, с. 29]. После падения Ведено они были переведены в с. Датуна в обществе Гидатль, близ которого находилась грузинская церковь. Однако в накаленной обстановке тех лет местный наиб не выполнил распоряжений имама об их неприкосновенности, и староверы или разбежались, или были убиты местными жителями [5, с. 93; 10, с. 64].

По архивным данным, подавляющее большинство бежавших в горы казаков были гребенцами. Мотивация их бегства могла быть самой различной, но, по нашему мнению, неслучайно то, что большинство беглецов являлись старообрядцами, и их бегство совпало с кратковременной волной репрессивных мер царизма против старообрядцев в Притеречье, организованной кавказским епископом Иеремией [22. Д. 31. Л. 1, 2; 23. Д. 70. Л. 1, 7, 9; 25, с. 178].

В государстве Шамиля перебежчиков ждал радушный прием. Жена пристава при Шамиле М.Н. Чичагова писала о его веротерпимости следующее: «Он дозволял нашим раскольникам, бежавшим в горы, строить новые часовни, поддерживать разбросанные древние храмы, свободно отправлять в них богослужение, не требуя за эти права ни податей, ни повинностей. В окрестностях Ведено существовало несколько раскольничьих скитов» [27,

с. 49]. Их основателями были гребенские казаки. Казачий историк начала XX в. Г.А. Ткачёв отмечал, что побеги в горы были в описываемый период обычным явлением местной жизни [20, с. 169].

Чтобы снизить градус протестных настроений в старообрядческой среде, царская администрация вывела их из подчинения Кавказской епархии официальной православной церкви и подчинила непосредственно специально подобранному обер-священнику Отдельного Кавказского корпуса [15, с. 12]. Наместник Кавказа, командующий Кавказским корпусом граф М.С. Воронцов полагал, что борьба за старую веру отнимала у казаков много сил и времени и мешала им исправно нести военную службу, участвовать в Кавказской войне. Это мнение разделял и император. В условиях военных действий на Кавказе раздражать и притеснять линейных казаков, боевые заслуги которых были неоспоримы, никто не желал [1, с. 25]. В свою очередь, как отмечает Н.Н. Великая, в целом «старообрядчество на Тереке… не содержало антикрепостнического, антигосударственного, антицерковного заряда…» [4, с. 47]. Получив определенную религиозную автономию, казаки-старообрядцы в своем абсолютном большинстве сохранили лояльность по отношению к правительству.

Среди беглецов были не только старообрядцы, но и потомки от смешанных браков между казаками и представительницами северокавказских народностей. «В дореформенный период, несмотря на боевые действия, часть казаков сохраняла в горах кунаков и родственников, знала их язык, обычаи. В условиях противостояния некоторые из казаков колебались между двумя культурами, демонстрируя признаки маргинальной этнической идентичности» [6, с. 41]. Ниже мы приведем самые яркие примеры подобной идентичности.

Сын казака из Червлённой С. Фролова и кабардинской княжны Таймазовой Мисост (он же Иван) бежал на Кубань и сражался против русской армии [5, с. 97]. Другими словами, метисная прослойка в станицах также демонстрировала «двойственную» идентичность и служила своеобразным передаточным механизмом, звеном, соединяющим северокавказские народы с казачеством. Самым знаменитым беглым казаком-терцем с подобной «двойственной идентичностью», безусловно, был пристав карачаевского народа, бывший всадник охранявшего царя Кавказского лейб-гвардии полуэскадрона, уроженец станицы Наурской Семён Семёнович Атарщиков. Человек удивительной судьбы, он был сыном выданного в аманаты и крещенного в Астрахани чеченца Исмаила (Семёна) и крещеной ногайки Антонины Урусовой и вырос в кумыкском селении Карабудахкент. О своем детстве он сам говорил следующее: «Я невольно сроднился с бытом, нравами и обычаями горцев» [16, с. 255]. Несмотря на покровительство генерала Г.Х. Засса и блестящие перспективы в карьере, в октябре 1841 г. он бежал к абадзехам, принял ислам, стал одним из предводителей набегов на казачьи станицы (Хаджрет Магометом) и получил среди адыгов статус первостепенного узденя. По сведениям Ткачёва, значительнейшим успехом Атарщикова был захват секретной почты командующего Кавказским корпусом Нейдгардта, в результате чего был облегчен захват Шамилем ряда укреплений в Дагестане [20, с. 170]. Помимо этого он прославился своей прокламацией к солдатам с призывом к массовому бегству в горы. При этом он обещал беглецам свое покровительство, угрожая обидевшим перебежчиков суровыми штрафами. Судьба Семёна Атарщикова сложилась трагически. В августе 1845 г. он был тяжело ранен и передан властям другим беглым казаком Фомой Головкиным, рассчитывавшим на щедрую награду. Атарщиков погиб, не оправившись от раны, самому Головкину в награде было отказано на том основании, что он уже вознагражден помилованием за дезертирство и не может рассчитывать на большее [21, с. 192–193; 2, с. 239–243]. Биограф С. Атарщикова Майкл Ходарковский предполагает, что причины бегства казака крылись в конфликте его горской (чеченской) идентичности с идентичностью русской и нежелании воевать против северокавказских горцев [21, с. 168], с которыми он, несмотря на положение русского офицера, продолжал себя внутренне ассоциировать.

Казаки нередко конфликтовали с квартировавшими в станицах армейцами, которые «закуривали» их хаты, пренебрежительно относились к казачьим традициям, что вызывало сопротивление и побеги в горы. Бежали и те, кто не мог смириться с тем, что казаков били розгами, палками наравне с солдатами [19, с. 172–173]. «Это тех гордых вольных казаков, которые говорили офицеру “ты” и свысока подтрунивали над русскими солдатами» [20, с. 173–174]. Упоминавшийся выше хорунжий Арнаутов, известный садистскими наказаниями провинившихся, внушал одностаничникам такой ужас, что они кланялись уже одному его

дому [20, с. 173]. Все эти тяготы подневольной службы отразились в пословице «Служба казачья, а жизнь собачья!» [3, с. 251]. Потому некоторым из казаков бегство в горы казалось меньшим из зол. Когда одного беглого казака после окончания войны спросили о том, зачем он бежал и как ему жилось, он ответил: «Привык дышать свободою, потому и ушел в горы и теперь живу ладно» [17, с. 122].

Сложенная казаками поэма «Исповедь казака Фролова», рассказывающая о судьбе упоминавшегося выше Ивана (Мисоста) Фролова, приводит поэтизированный пример подобной мотивации:

Я жаждал вольности искать,
надеждой в том предубежденный,
Бежать в Чечню и проживать.
Меня чеченцы там приняли
В наезды всадником лихим,
И каждый раз с собою брали
На воровство к брегам родным [9, с. 167].

Показательно, что схвачен Фролов был совместными усилиями терского казака и его товарища ногайца [20, с. 176].

Примеры бегства казаков в горы, принятие ими мусульманства, породнение и в последующем слияние с горской средой свидетельствуют об отсутствии между казаками и горцами непреодолимых социокультурных барьеров. Горцы понимали, что казаки во многом люди подневольные и являются орудием военной администрации. При любой возможности Шамиль и его сподвижники старались проводить среди них агитацию в свою пользу, а при ее успехе оказывали казакам-перебежчикам всемерную поддержку. Перебежчики, в свою очередь, служили в качестве проводников, переводчиков, военных специалистов, а также привносили в горскую среду новые ремесленные (например, слесарные) и сельскохозяйственные навыки.

Список литературы

1. Агеева Е.А. Старообрядцы в мусульманском окружении: опыт взаимодействия // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 7–8 авг. 2015 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 20–26.

2. Бегеулов Р.М. Карачаевский пристав С.С. Атарщиков: историко-психологический портрет на фоне эпохи // Кавказская война: символы, образы, стереотипы. Краснодар, 2015. С. 239–243.

3. Белецкая Е.М., Великая Н.Н. Военные события в истории России XIX в. в песенном фольклоре терского казачества // Диалог со временем. 2016. Вып. 56. С. 246–277.

4. Великая Н.Н. Об этнических особенностях казачьих групп // Рос. ист. журн. 2008. № 1(38). С. 44–49.

5. Великая Н.Н. Причины нахождения россиян в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. 2015. Т. 9(41). С. 90–102.

6. Великая Н.Н. Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII–XIX вв.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. Ставрополь, 2001.

7. Востриков П.А. Станица Наурская // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 33.

8. Генко А.Н. Арабская карта Чечни эпохи Шамиля // Записки Института Востоковедения АН СССР. 1933. Т. II. С. 21–36.

9. Гребенцы в песнях: сборник старинных, бытовых, любовных, обрядовых и скоморошных песен гребенских казаков с кратким очерком Гребенского войска и примечаниями / собр. Ф.С. Панкратов. Владикавказ, 1895.

10. Гриценко Н.П. Истоки дружбы (из истории экономических, культурных связей и дружбы чеченского, ингушского народов с великим русским народом и народами Кавказа). Грозный, 1975.

11. Дадаев Ю.У. Этноконфессиональная политика государства Шамиля // Российский Кавказ: вчера, сегодня, завтра: по материалам Междунар. политол. форума (г. Махачкала, 14–21 сент. 2014 г.). Махачкала, 2014. С. 41–51.

12. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа: сб. документов. Махачкала, 1959.

13. Клычников Ю.Ю. «Переписка о чеченце Маразбеке (Федоре Афанасьеве) и его подвигах»: эпизод из деятельности русских лазутчиков в годы «Кавказской войны» // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 4. С. 69–74.

14. Клычников Ю.Ю. Казачество и военно-политические реалии пограничья в условиях Северного Кавказа // Изв. СОИГСИ. 2015. № 17(56). С. 29–39.

15. Колосовская Т.А. Боевая и хозяйственная повседневность казаков кавказского пограничья в освещении офицера генштаба Г.К. Калмберга (1834 г.) // Нов. ист. вестн. М., 2014. Вып. 1(39). С. 6–21.

16. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.

17. Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане. Из записных книжек историка. Махачкала, 1969.

18. Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991.

19. Степаненко Н.С. Причины бегства казаков к горцам Северо-Западного Кавказа в 30–60-е гг. XIX века // Исторические, философские, полити-

ческие и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12(74): в 3 ч. Ч. 2. С. 171–173.

20. Ткачёв Г.А. Станица Червлённая. Исторический очерк // Сборник общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1912.

21. Ходарковский М. Горький выбор. Верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М.: Нов. лит. обозрение, 2016.

22. Центральный государственный архив РСО-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 2. Оп. 1.

23. ЦГА РСО-А. Ф. 3. Оп. 1.

24. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 379. Оп. 7. Д. 58.

25. Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 гг. // Осада Кавказа: воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб., 2000.

26. Чернозубов Ф. Очерки Терской старины. Яшка Алпатов 1842–1856 // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1912. Вып. 1.

27. Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. СПб., 1889.

28. Ярхо Валерий. Казаки-разбойники // Огонек. 2003. № 40.

* * *

1. Ageeva E.A. Staroobrjadcy v musul'manskom okruzhenii: opyt vzaimodejstvija // Staroobrjadchestvo: istorija i sovremennost', mestnye tradicii, russkie i zarubezhnye svjazi: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ulan-Udje, 7–8 avg. 2015 g.). Ulan-Udje: Izd-vo Burjat. gos. un-ta, 2015. S. 20–26.

2. Begeulov R.M. Karachaevskij pristav S.S. Atarshhikov: istoriko-psihologicheskij portret na fone jepohi // Kavkazskaja vojna: simvoly, obrazy, stereotipy. Krasnodar, 2015. S. 239–243.

3. Beleckaja E.M., Velikaja N.N. Voennye sobytija v istorii Rossii XIX v. v pesennom fol'klore terskogo kazachestva // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 56. S. 246–277.

4. Velikaja N.N. Ob jetnicheskih osobennostjah kazach'ih grupp // Ros. ist. zhurn. 2008. № 1(38). S. 44–49.

5. Velikaja N.N. Prichiny nahozhdenija rossijan v srede gorcev Severo-Vostochnogo Kavkaza (pervaja polovina XIX veka) // Kavkazskij sbornik. 2015. T. 9(41). S. 90–102.

6. Velikaja N.N. Politicheskie, social'no-jekonomicheskie, jetnokul'turnye processy v Vostochnom Predkavkaz'e (XVIII–XIX vv.): avtoref. dis. … d-ra ist. nauk. Stavropol', 2001.

7. Vostrikov P.A. Stanica Naurskaja // Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza. Tiflis, 1904. Vyp. 33.

8. Genko A.N. Arabskaja karta Chechni jepohi Shamilja // Zapiski Instituta Vostokovedenija AN SSSR. 1933. T. II. S. 21–36.

9. Grebency v pesnjah: sbornik starinnyh, bytovyh, ljubovnyh, obrjadovyh i skomoroshnyh pesen grebenskih kazakov s kratkim ocherkom Grebenskogo vojska i primechanijami / sobr. F.S. Pankratov. Vladikavkaz, 1895.

10. Gricenko N.P. Istoki druzhby (iz istorii jekonomicheskih, kul'turnyh svjazej i druzhby chechenskogo, ingushskogo narodov s velikim russkim narodom i narodami Kavkaza). Groznyj, 1975.

11. Dadaev Ju.U. Jetnokonfessional'naja politika gosudarstva Shamilja // Rossijskij Kavkaz: vchera, segodnja, zavtra: po materialam Mezhdunar. politol. foruma (g. Mahachkala, 14–21 sent. 2014 g.). Mahachkala, 2014. S. 41–51.

12. Dvizhenie gorcev Severo-Vostochnogo Kavkaza: sb. dokumentov. Mahachkala, 1959.

13. Klychnikov Ju.Ju. «Perepiska o chechence Marazbeke (Fedore Afanas'eve) i ego podvigah»: jepizod iz dejatel'nosti russkih lazutchikov v gody «Kavkazskoj vojny» // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2016. № 4. S. 69–74.

14. Klychnikov Ju.Ju. Kazachestvo i voenno-politicheskie realii pogranich'ja v uslovijah Severnogo Kavkaza // Izv. SOIGSI. 2015. № 17(56). S. 29–39.

15. Kolosovskaja T.A. Boevaja i hozjajstvennaja povsednevnost' kazakov kavkazskogo pogranich'ja v osveshhenii oficera genshtaba G.K. Kalmberga (1834 g.) // Nov. ist. vestn. M., 2014. Vyp. 1(39). S. 6–21.

16. Kosven M.O. Jetnografija i istorija Kavkaza. M., 1961.

17. Magomedov P.M. Legendy i fakty o Dagestane. Iz zapisnyh knizhek istorika. Mahachkala, 1969.

18. Omel'chenko I.L. Terskoe kazachestvo. Vladikavkaz, 1991.

19. Stepanenko N.S. Prichiny begstva kazakov k gorcam Severo-Zapadnogo Kavkaza v 30–60-e gg. XIX veka // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 12(74): v 3 ch. Ch. 2. S. 171–173.

20. Tkachjov G.A. Stanica Chervljonnaja. Istoricheskij ocherk // Sbornik obshhestva ljubitelej kazach'ej stariny. Vladikavkaz, 1912.

21. Hodarkovskij M. Gor'kij vybor. Vernost' i predatel'stvo v ehpohu rossijskogo zavoevaniya Severnogo Kavkaza. M.: Nov. lit. obozrenie, 2016.

22. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv RSO-Alanija (CGA RSO-A). F. 2. Op. 1.

23. CGA RSO-A. F. 3. Op. 1.

24. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan. F. 379. Op. 7. D. 58.

25. Filipson G.I. Vospominanija. 1837–1847 gg. // Osada Kavkaza: vospominanija uchastnikov Kavkazskoj vojny XIX v. SPb., 2000.

26. Chernozubov F. Ocherki Terskoj stariny. Jashka Alpatov 1842–1856 // Russkij arhiv. Istoriko-literaturnyj sbornik. 1912. Vyp. 1.

27. Chichagova M.N. Shamil' na Kavkaze i v Rossii. SPb., 1889.

28. Jarho Valerij. Kazaki-razbojniki // Ogonek. 2003. № 40.

Terek Cossacks-defectors in the camp of opponents of the tsarist army in the 1840-1850s

The article deals with the motivation and consequences of the Terek Cossacks' defection to the side of the opponents of the tsarist military administration in the North Caucasus. The author makes an attempt to analyze the motivation of the Cossacks' defection and their subsequent military activities on the side of the mountain rebels. The presence of Shamil in the troops, as well as of other mountain leaders of the Caucasian War era of a considerable number of the Terek Cossacks indicates the complexity and ambiguity of the participation of the Cossacks and the North Caucasus representatives in the Caucasian War and the failure of their unambiguous opposition in the considered period.

Key words: *the Caucasian War, Cossacks, the Greben Cossacks, highlanders, defectors, Alpatov, Charin, Atarshchikov.*

(Статья поступила в редакцию 15.03.2018)

Е.Ф. ТОМИНА
(Оренбург)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРЕНБУРГСКОГО ЗЕМСТВА В 1913–1915 гг.

Освещаются основные направления работы земства в хозяйственно-культурной жизни населения Оренбургской губернии: создание новых начальных училищ и земских школ, организация краткосрочных летних педагогических курсов, оказание медицинских услуг населению, развитие земской санитарной организации, а также ремонт дорог и трактов, находившихся на гражданской территории Оренбургской губернии.

Ключевые слова: *народное образование, земские школы, земская медицина, санитария, дорожное строительство.*

В 1913 г. Оренбургское земство приступило к решению самых разнообразных и вместе с тем насущных вопросов хозяйственно-культурной жизни населения Оренбургского края. Среди них отметим такие важнейшие направления, как организация народного образования, оказание медицинских услуг населению, устройство дорог. Несмотря на постоянную нехватку финансовых средств и квалифицированных специалистов, а также другие трудности, связанные с чрезвычайными обстоятельствами военного времени, местные органы самоуправления смогли изменить весь уклад экономической и культурно-просветительской жизни Южного Урала.

Земские учреждения дореволюционной России оставили заметный след в истории народного образования и просвещения. Создание земских учреждений в Оренбургской губернии совпало с осуществлением в России программы всеобщего народного обучения за счет расширения сети начальных училищ. Первое очередное губернское земское собрание приняло обширную программу деятельности в области народного образования, которая предусматривала введение всеобщего обучения детей, организацию профессионального и внешкольного образования [4. Д. 253. Л. 64].

В 1914 г. Оренбургское земство приступило к созданию новых начальных училищ и земских школ. Одновременно местные органы самоуправления выделяли финансовые средства на содержание гимназий, министерских и церковно-приходских школ. Расширялась сеть школ и внешкольных учреждений: в Оренбурге в 1913 г. было 52 школы с общей численностью 6 909 учащихся, а в районах – 455 школ с 32 190 учениками (итого 507 школ и 39 099 учащихся). В 1915 г. в Оренбурге было 49 школ и 7 007 учеников, а в районах – 477 школ и 32 567 учащихся (итого 526 школ, 39 574 учащихся) [1, с. 41].

Земские учреждения уделяли много внимания решению проблем «инородческого образования». Были созданы высшие начальные училища для мусульманского населения: Троицкое, Покровское, Петровское, Ново-Мусинское и др. [10, с. 67]. 28 октября 1913 г. в г. Оренбурге состоялось открытие первой городской школы для мусульманских детей. На открытии присутствовали городской голова Е.Н. Клиентов, член городской управы Ф.К. Шморель, директор начальных народных училищ Беляев, мулла З. Гьямантов [9, с. 12]. Для народов, ведущих кочевой образ жизни (башкир, казахов), были организованы передвижные библиотеки.

© Томина Е.Ф., 2018